



ЛУЧШИЕ СКАЗКИ ПРО ЗВЕРЕЙ

МАЛЫШКА

ДОБРЫЕ
СКАЗКИ





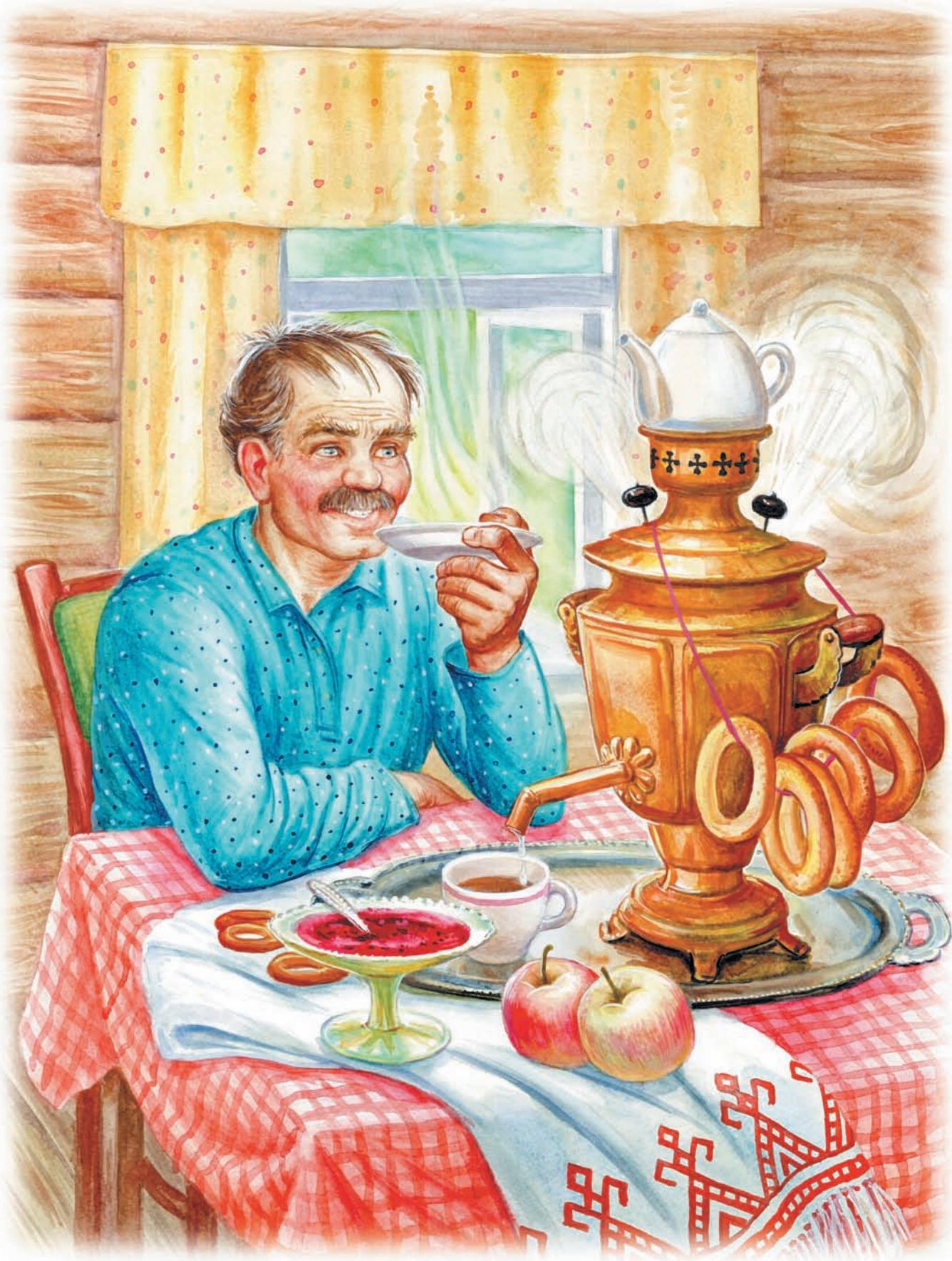
Рисунки И. Цыганкова

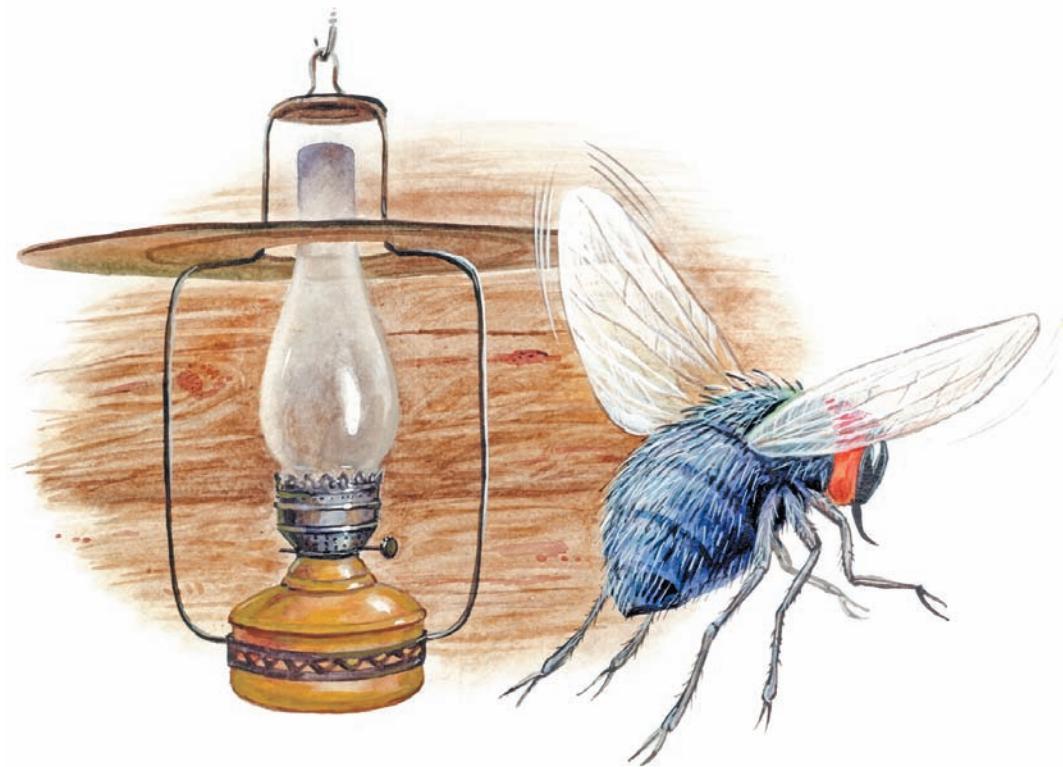
лучшие сказки про зверей

«Малыш»



ДОБРЫЕ
СКАЗКИ





Виталий Бианки

ХВОСТЫ

Прилетела Муха к Человеку и говорит:

— Ты хозяин над всеми зверями, ты всё можешь сделать. Сделай мне хвост.

— А зачем тебе хвост? — говорит Человек.

— А затем мне хвост, — говорит Муха, — зачем он у всех зверей, — для красоты.

— Я таких зверей не знаю, у которых хвост для красоты. А ты и без хвоста хорошо живёшь.

Рассердилась Муха и давай Человеку надоедать: то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет! Человек ей и говорит:



— Ну, ладно! Лети ты, Муха, в лес, на реку, в поле. Если найдёшь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только привешен, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

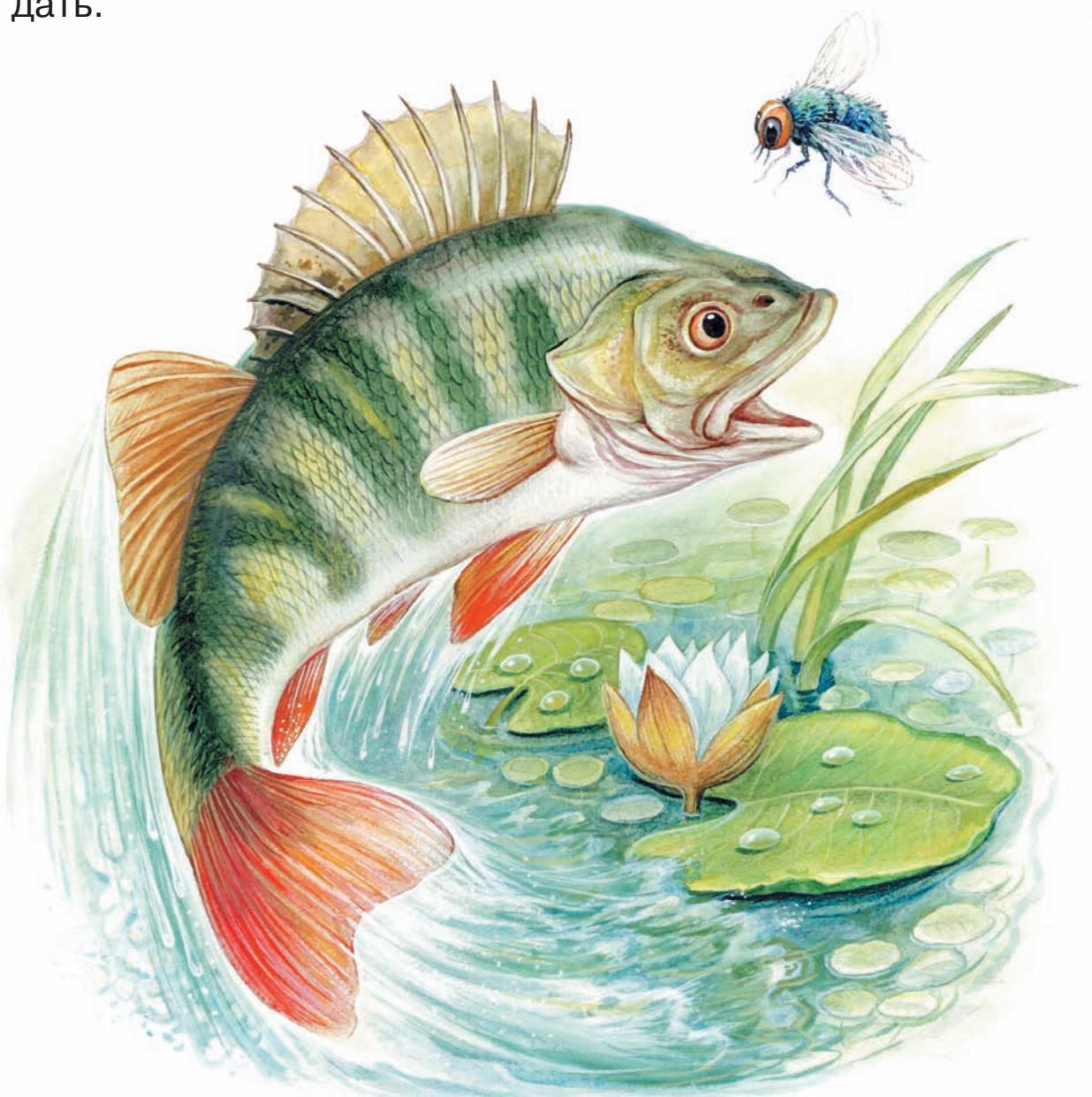
Обрадовалась Муха и вылетела в окошко.

Летит она садом и видит: по листу Слизняк ползёт. Подлетела Муха к Слизняку и кричит:

— Отдай мне твой хвост, Слизняк! Он у тебя для красоты.

— Что ты, что ты! — говорит Слизняк. — У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо моё. Я его сжимаю да разжимаю, — только так и ползаю. Я — брюхоног.

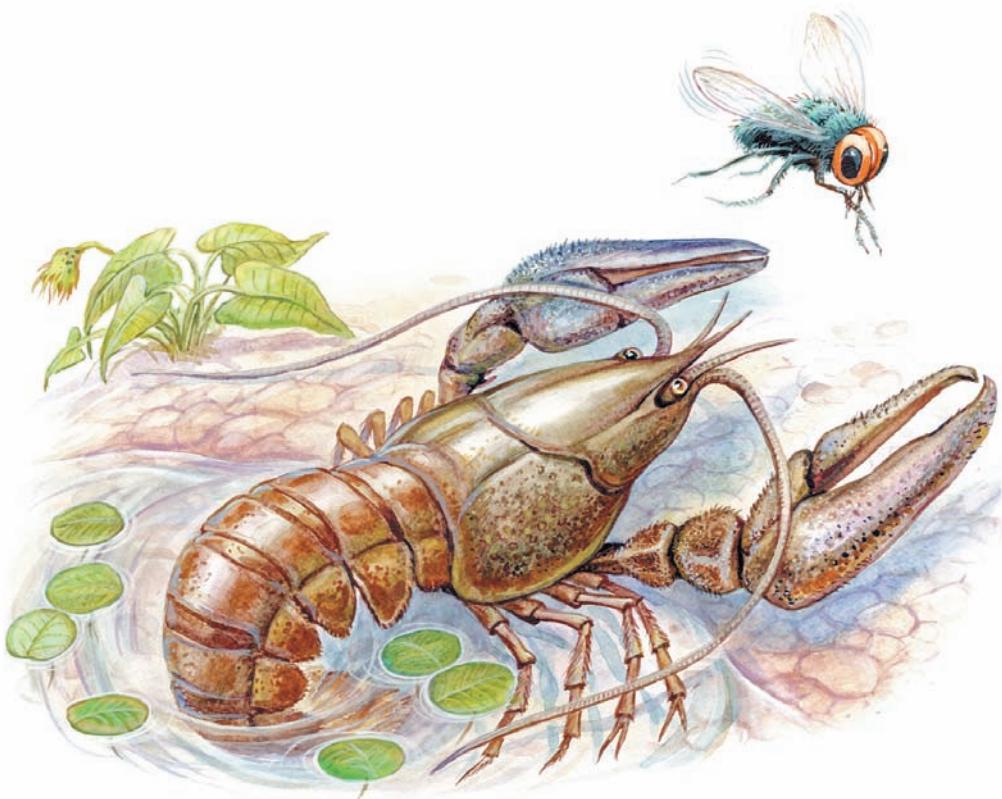
Муха видит — ошиблась, — и полетела дальше.
Прилетела к речке, а в речке Рыба и Рак — оба
с хвостами. Муха к Рыбе:
— Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.
— Совсем не для красоты, — отвечает Рыба. — Хвост
у меня — руль. Видишь: надо мне направо повер-
нуть — я хвост вправо поворачиваю. Надо налево —
я влево хвост кладу. Не могу я тебе свой хвост от-
дать.



Муха к Раку:

— Отдай мне твой хвост, Рак!

— Не могу отдать, — отвечает Рак. — Ножки у меня слабые, тонкие, я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. Я как шлётну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлёт, шлёт — и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.



Полетела Муха дальше. Прилетела в лес, видит: на суку Дятел сидит. Муха к нему:

— Отдай мне твой хвост, Дятел! Он у тебя для красоты только.

— Вот чудачка! — говорит Дятел. — А как же я деревья-то долбить буду, еду себе искать, гнёзда для детей устраивать?



— А ты — носом, — говорит Муха.

— Носом-то носом, — отвечает Дятел, — да ведь и без хвоста не обойдёшься. Вот гляди, как я долблю.

Упёрся Дятел крепким, жёстким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом да как стукнет носом по суку — только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост Дятел садится, когда долбит, — нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служит.

Полетела дальше.
Видит: Оленуха в кустах со своими оленятами.
И у Оленухи хвостик — маленький, пушистый, белень-
кий хвостик. Муха как зажужжит:
— Отдай мне твой хвостик, Оленуха!
Оленуха испугалась.
— Что ты, что ты! — говорит. — Если я отдаю тебе
свой хвостик, так мои оленятки пропадут.





— Оленяткам-то зачем твой хвост? — удивилась Муха.

— А как же, — говорит Оленуха. — Вот погонится за нами Волк. Я в лес кинусь — спрятаться. И оленятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком машу, как платочком: «Сюда бегите, сюда!» Они видят: беленькое впереди мелькает, — бегут за мной! Так все и убежим от Волка.

Нечего делать, полетела Муха дальше.

Полетела дальше и увидала Лисицу. Эх, и хвост у Лисицы! Пышный да рыжий, красивый-красивый! «Ну, — думает Муха, — уж этот-то хвост мой будет». Подлетела к Лисице, кричит: — Отдавай хвост!



— Что ты, Муха! — отвечает Лисица. — Да без хвоста я пропаду. Погоняются за мной собаки, живо меня, бесхвостую, поймают. А хвостом я их обману.

— Как же ты, — спрашивает Муха, — обманешь их хвостом?

— А как станут меня собаки настигать, я хвостом верть! верть! — туда — сюда! — хвост вправо, сама влево. Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. Да пока разберут, что ошиблись, — я уж далеко.

Видит Муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке. Нечего делать, полетела Муха домой. Сама думает:

«Пристану к Человеку, буду ему надоедать, пока он мне хвост не сделает!»







Человек сидел у окошка, смотрел во двор.

Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу! — а Муха уж ему на лоб пересела. Человек бац по лбу! — а Муха уж опять на носу!

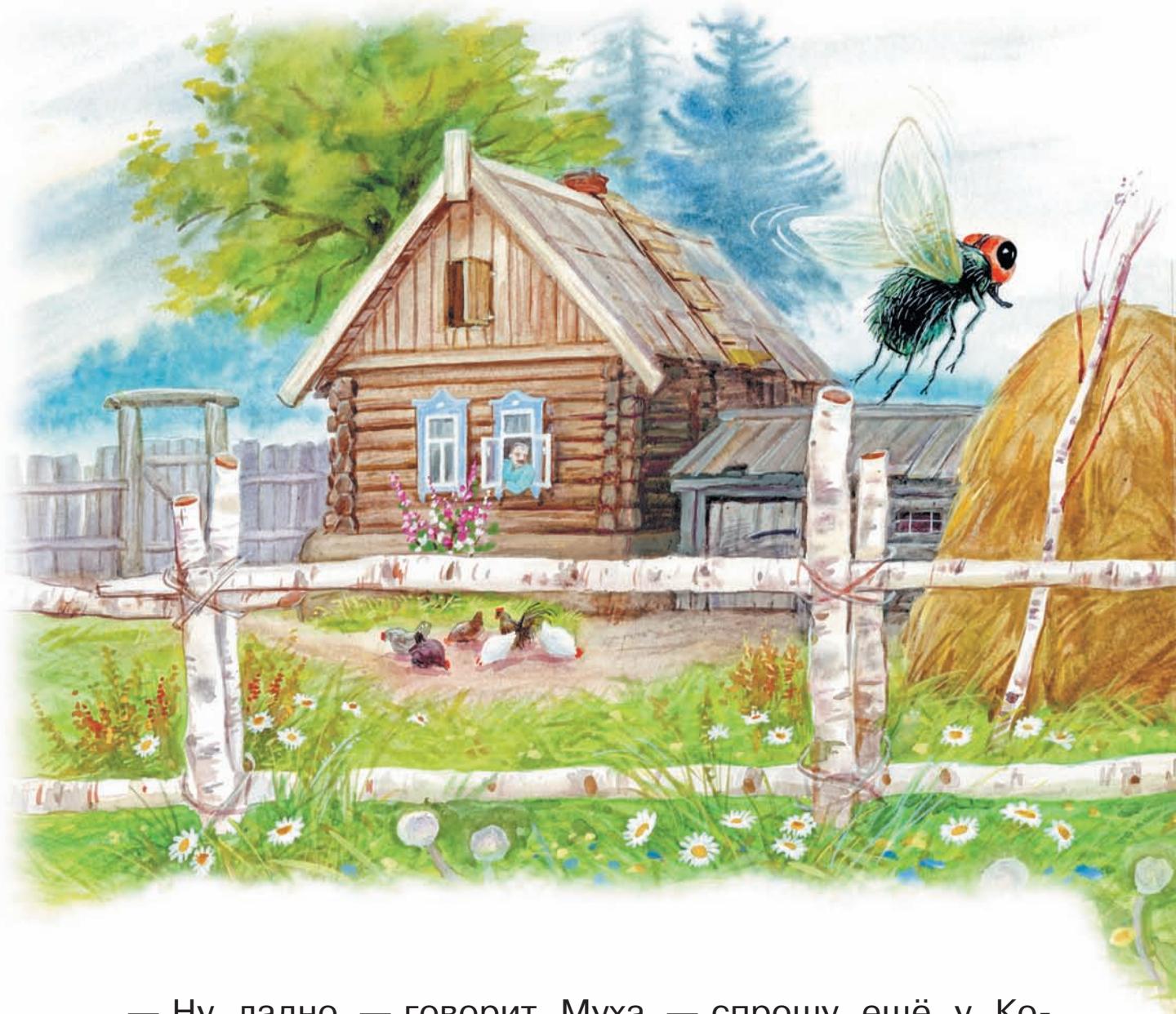
— Отстань ты от меня, Муха! — взмолился Человек.

— Не отстану, — жужжит Муха. — Зачем надо мной посмеялся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала — у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от Мухи — вон какая надоедная!

Подумал и говорит:

— Муха, Муха, а вон Корова на дворе. Спроси у неё, зачем ей хвост.



— Ну ладно, — говорит Муха, — спрошу ещё у Коровы. А если и Корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя, Человек, с о свету.

Вылетела Муха в окошко, села Корове на спину и давай жужжать, высрашивать:

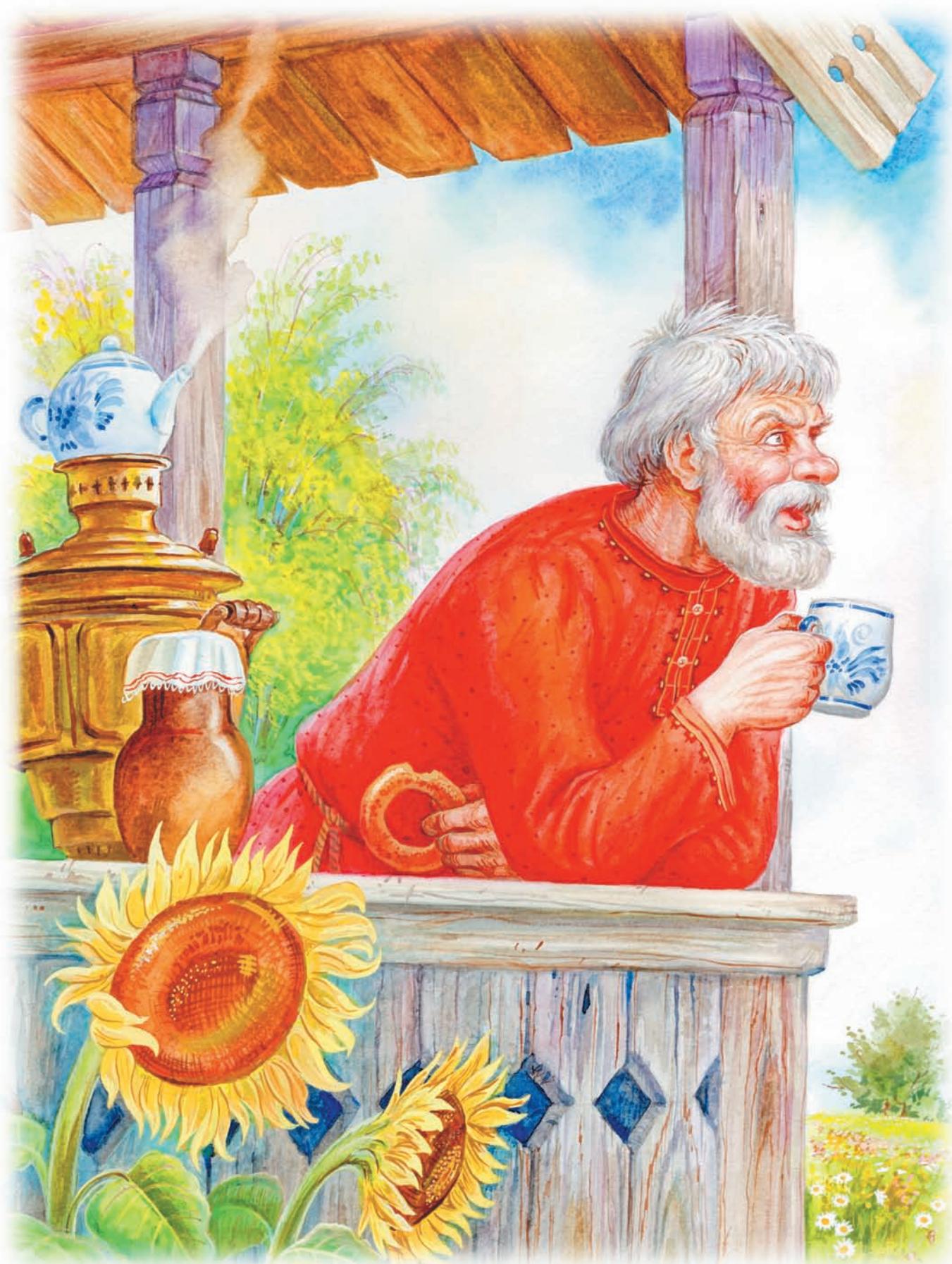
— Корова, Корова, зачем тебе хвост? Корова, Корова, зачем тебе хвост?

Корова молчала, молчала, а потом как хлестнёт себя хвостом по спине — и пришлётнула Муху.

Упала Муха на землю — дух вон, и ножки кверху.
А Человек и говорит из окошка:

— Так тебе, Муха, и надо — не приставай к людям, не приставай к зверям, надоеда.







СОВА

Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт — молоком белит. Летит мимо Сова.

— Здорово, — говорит, — друг!

А Старик ей:

— Ты, Сова, — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонишься, — какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

— Ладно же, — говорит, — старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, — сам лови.

А Старик:

— Виши, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На старицком лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

— Погляди-ка, кума, не летит ли Сова — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

— Не видать Совы, не слыхать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Стариk! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

— А пускай идут, — говорит Стариk. — Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут, землю роют, шмелей ловят.

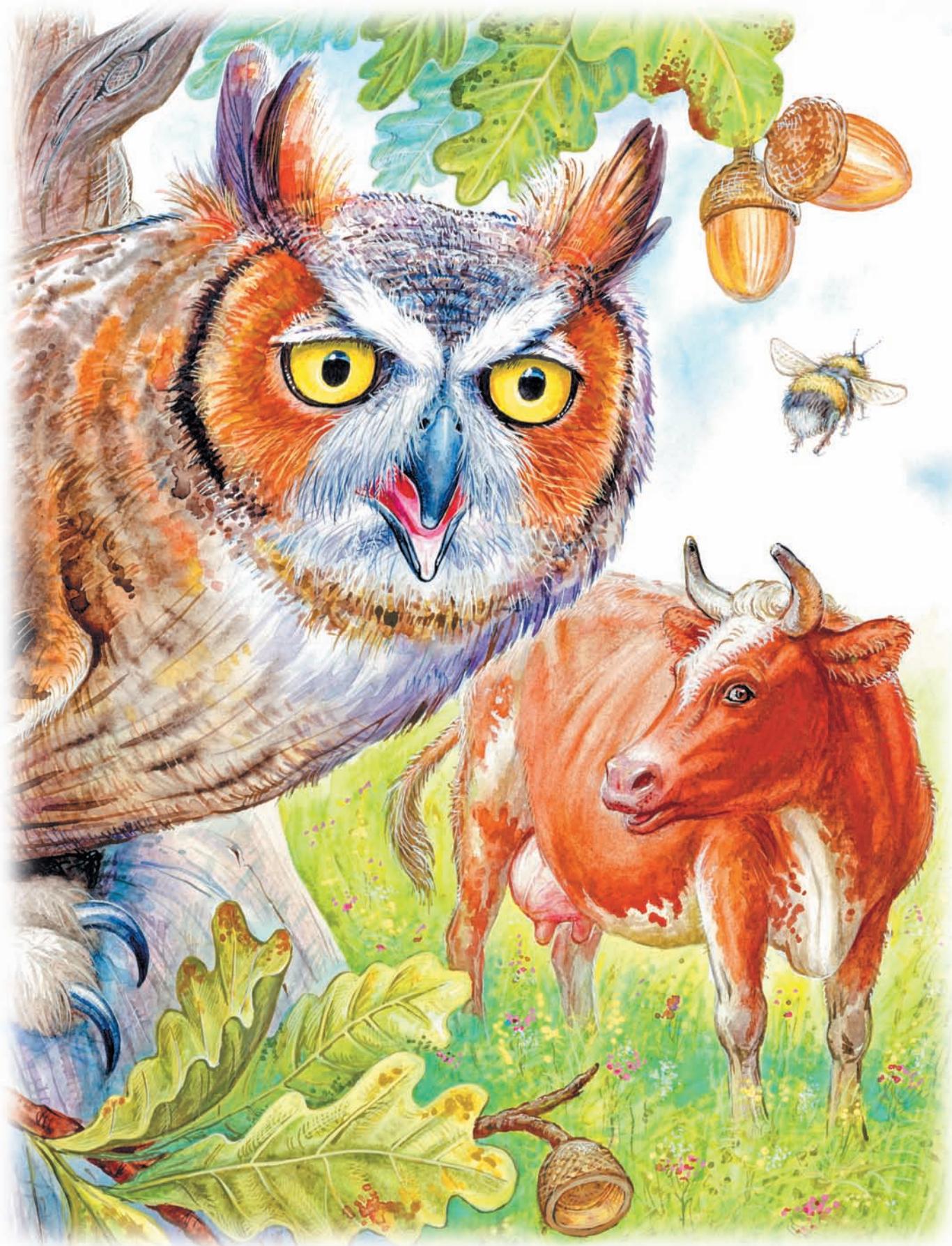
А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Стариk! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

— А пускай летят, — говорит Стариk. — Что от них толку: ни мёду, ни воску, — волдыри только.









Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Стариk! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок переносить.

— И ветер разнесёт, — говорит Стариk, а сам в затылке скребёт.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок, — не родится клевер на лугу; не по нраву это Старику.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Стариk! Корова твоя мычит, клеверу просит, — трава, слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Стариk, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; пойло лижет, а молоко всё жиже да жиже.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Стариk! Говорила я тебе: придёшь ко мне кланяться.

Стариk бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышьей не ловит. Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариkов луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клевера тощает. Молока у коровы мало. Вот и чай белить Старику нечём стало.

Нечём стало Старику чай белить, — пошёл Стариk Сове кланяться:

— Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручи: нечём стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.







— То-то, — говорит, — старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей ловить.

Мыши со страха попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаться.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить — Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.





ЛИС И МЫШОНОК

- Мышионок, Мышионок, отчего у тебя нос грязный?
- Землю копал.
- Для чего землю копал?
- Норку делал.



- Для чего норку делал?
- От тебя, Лис, прятаться.
- Мышонок, Мышонок, я тебя подстерегу!
- А у меня в норке спаленка.





— Кушать захочешь — вылезешь!
— А у меня в норке кладовочка.

— Мышонок, Мышонок, а ведь я твою норку разрою.

— А я от тебя в оторочек — и был таков!







Эдуард Шим

ЗАЯЧЬЕ СЕМЕЙСТВО

На берёзовой опушке лесные мамы хвалились друг перед другом своими детками.

— Ах, какой у меня сын! — сказала мама Олениха. — Наглядеться на него нельзя. Копытца точёные, ножки пряменькие, шейка высоконькая... Лёгонький, как ветерочек!

— М-м-м, сын, конечно, неплох, — сказала мама Барсучиха. — Но куда ему до моих деточек! Уж такие они нарядненькие, такие разумненькие! Родились в марте, в апреле уже глазки открыли, а нынче — поверите ли? — даже из норы выбегают...

— А сколько их у вас? — спросила Олениха.

— Уж, конечно, не один и не два. Целых три!

— Можно вас поздравить, — сказала мама Ежиха. — Но всё-таки моих деток с вашими не сравнить.

У меня их — пять душ! И вы знаете, у них уже шёрстка появилась... и даже иголочки твёрденькими становятся... Ну, не чудо ли?

— Хрю! — сказала мама Кабаниха. — Пять — это хор-рошо. Ну, а что вы скажете, если их — десять?

— А у кого их десять?! — поразилась мама Ежиха.

— Хрю-хрю... У меня! Ровно десяточек, и все как один... хрю!.. мохнатенькие... хрю!.. полосатенькие... хрю!.. подвизгивают этак тоненько, как птички... Где ещё такое семейство найдёшь?

Не успели мамы согласиться, как вдруг с поля раздался голос:

— У меня семейство получше!

И на опушке появилась мама Хомячиха.

— Ну-ка, — сказала она, — попробуйте догадаться, сколько у меня деток!

— Тоже десять! — хрюкнула мама Кабаниха.

— Двенадцать? — спросила мама Барсучиха.

— Пятнадцать? — шепнула мама Ежиха и сама испугалась, назвав такое большое число.

— Как бы не так! — сказала мама Хомячиха. — Подымайте выше! У меня деток — восемнадцать душ, во сколько! И чего там болтать про шёрстку, про глазки, — это всё пустяки. Мои детки уже работать начали. Даром что малы, а уже каждый себе норку копает, жильё готовит. Представляете?

— Да, ваше семейство — самое замечательное! — признали все мамы. — Вы подумайте: восемнадцать деток-работничков!

Долго бы ещё удивлялись мамы, если бы на опушке не появилась Зайчиха.

Хвалиться она не стала, шла тишком-молчком.

Никто не узнал бы, сколько у неё деток, если бы мама Олениха не спросила:

— Ну, а сколько душ в вашем семействе?

— Не знаю, — сказала Зайчиха. — Кто ж их считал... Может, — сто, может, — тыща, а может, — и ещё больше.

— Как так?! — подскочили мамы. — Не может быть!..

— У нас именно так и бывает, — сказала Зайчиха. — Мы со своими детками не привыкли нянчиться. Рождаются зайчата, мы их разок покормим, а потом где-нибудь под кустом оставим — и до свиданьица!



— Зачем же? Как безжалостно! — закричали мамы.

— А затем, что так — лучше. Затаятся зайчата под кустом, притихнут — и ни волк, ни лиса их не найдут. А будь мы рядом, так навлекли бы на них беду.

— Но ведь они же маленькие!

— Маленькие, да удаленькие... И прятаться умеют, и видят зорко, и слышат чутко. Да и шубки у них тёпленькие.

— А кто же их кормит-то?

— Да любая Зайчиха, которая встретится. У нас ведь нету чужих деток, все — родные. Нынче я одного покормлю, завтра — другого. Вот и выходит, что все зайчата в лесу — из моего семейства. А сколько их, никто не ведает. Может, — сто, может, — тыща, а может, — и того больше. Посчитайте, попробуйте!

И тут уж все мамы поняли, что всё-таки самое удивительное семейство в лесу — заячье.





ПОЛОСЫ И ПЯТНЫШКИ

Встретились на поляне двое малышей: Косулёнок — лесной козлёночек и Кабанчик — лесной поросёнок.

Нос к носу встали и разглядывают друг другу.

— Ой, какой смешной! — говорит Косулёнок. — Весь полосатый-полосатый, будто тебя нарочно раскрасили!

— Ой, а ты до чего смешной! — говорит Кабанчик. — Весь в пятнышках, в пятнышках, будто тебя нарочно забрызгали!

— Я в пятнышках для того, чтобы лучше в прятки играть! — сказал Косулёнок.

— И я полосатый, чтобы лучше в прятки играть! — сказал Кабанчик.

— С пятнышками лучше прятаться!

— Нет, с полосками лучше!

— Нет, с пятнышками!

— Нет, с полосками!

И заспорили, и заспорили! Ни один уступить не хочет.

А в это время затрещали сучья, захрустел валежник. Вышла на поляну Медведица с медвежатами. Увидел её Кабанчик — и стреканул в густую траву.

Вся трава полосками, полосками, — исчез в ней Кабанчик, словно сквозь землю провалился.

Увидел Медведицу Косулёнок — и стрельнул в кусты. Между листьями солнце пробивается, везде жёлтые пятнышки, пятнышки, — исчез в кустах Косулёнок, словно его и не было. Не заметила их Медведица, прошла стороной. Значит, оба хорошо научились в прятки играть. Зря спорили.





ЗАЧЕМ БОЛЬШАЯ ГОЛОВА?

Волчонок вылез из тёмного логова, уселся посреди полянки, лапы растопырил. Жмурился.

Увидали его птицы с деревьев.

— Ой, — кричат, — какой головастый!

— Ой, смешной да нескладный!

— Зачем тебе голова большущая? Носить тяжело!

— Братцы, не мешайте головастику! Он думает!

— О чём задумался, Волчище?

Почесался Волчонок задней лапой.

— Ещё чего, — говорит. — Охота была думать...

— Братцы — кричат птицы, — он свою голову про запас носит! Хочет всех умнее вырасти!

— Волчище, ты скоро поумнеешь!

— Когда за ум возьмёшься?

— Будет у нас в лесу мудрый Волк! Правда, лобастик?

Почесался Волчонок другой лапой.

— Подите вы, — говорит, — с вашей мудростью...

— Братцы, — кричат птицы, — а может, для красоты такая голова? Для особенной волчьей красы?

— А может, для крепости? Чем больше да толще, тем крепче?

— А может, в большой голове большой голос помещается.

— Голос-то, чай, в горле! А голова для чего?

Спорят птицы, трещат, пересмеиваются.

А Волчонок поглядел на них да как зевнёт!

В полголовы пасть открылась. А в пасти — зубки беленькие, зубки, зубки... Хоть малы, да уже видно, какими вырастут.

— Понятно? — Волчонок говорит. И пасть со стуком закрыл.





ВЕСЁЛЫЙ ДЕНЁК

Стояли зимние дни, хмурые, тоскливые: рассветает поздно, темнеет рано, света белого не видать. Будто тянутся сплошные, долгие сумерки...

И вдруг улыбнулась погодка: выпал чистый мягкий снежок, с неба тучи ушли, солнышко проглянуло. И так-то сделалось славно в лесу! Сахарный снег блестит-переливается, все деревья цветными сдела-

лись: ёлки — с коричневой шкуркой, сосны — с жёлтенькой, осинки — с зелёненькой, берёзки — с пёстрынькой, будто в родимых пятнышках. И над всем лесом голубое небо сияет!

Развеселились лесные жители, игры затеяли. «Хоть на денёк, — думают, — зимнюю скуку стяхнём!»

Одному лишь старому Ворону нет охоты веселиться. Какое старику веселье? На белый снег посмотрит — глазам больно. На голубое небо взглянет — голова кружится.

— Экая дрянь, — говорит, — кругом! Пёстро, шумно... Спокойно подремать не дадут!

Снялся с берёзы и полетел местечко потемней да поглуще искать.

У лесного ручья присел в первый раз отдохнуть.

А вдоль ручья Енотик бежит, да как-то странно бежит: и подпрыгивает, и приплясывает, и лапами притопывает.

— Ты куда? — спрашивает Ворон.

— Да никуда, — Енотик отвечает. — Так просто. Бегу, и всё.

— А зачем?

— Да ни за чем. Я вот на следочки гляжу... Наступлю лапой — и вот следочек. Отсюда поглядеть — голубенький. А отсюда — розовенький. Интересно!

— Экой дурень, — Ворон бормочет. — Погоди, сейчас накаркаю на твою голову... Чтоб не дурил. Кар-р-р!.. — И говорит: — А ты поближе к берегу ступай. Там следочки ещё интересней будут!

Повернул Енотик к берегу, бежит-подпрыгивает.

А у берега ледок тоненький, слабый. И снежком присыпан. И если наступить — тотчас проломится.

Захрустело у Енотика под лапами, забулькало. Еле успел на берег выскочить. Пузечко замочил. Но повернулся к Ворону да как заулыбается:

— Ой, и верно! Ой, и верно!

— Чего верно?

— Следочки другие стали! Были голубенькие, были розовенькие, а под берегом — чёрненькие! Вот интересно-то!



Каркнул Ворон со злости, взмахнул крыльями, полетел прочь. В частом осиннике присел отдохнуть во второй раз.

А по частому осиннику бредёт молодой Лосёнок и что-то непонятное делает: то боднёт осинку, то за веточку потянет.

— Ты это чего? — спрашивает Ворон.

— Да так, — Лосёнок отвечает. — Вот деревья трясу.

— Зачем?

— А с них снежок сыплется... То струйками течёт. То комочками падает. И щекотно так!

— Опять дурень попался... — бормочет Ворон. — Видели дурня? Погоди, накаркаю на твою голову... Кар-р-р-р!.. — И говорит: — Ты большую осину тряхни. На ней снега уйма!





Подбежал Лосёнок к большой осине. Лбом нацепился. А у этой осины макушка гнилая.

Тронь её — вниз обрушится, зашибёт!

Боднул её Лосёнок и еле увернуться успел. Ахнула вниз макушка, только треск пошёл!

Но не испугался Лосёнок. Смеётся:

— Ой, как здорово! Не струйками снег, не комочками — целым облаком! Уй, до чего щекотно!

Разозлился Ворон ещё пуще, поднялся над осинником, прочь полетел.



В третий раз на вырубке сел отдохнуть.
А по вырубке через пеньки Заяц скачет. Уши приложил, наподдает ходу изо всех сил.
— Эй, далеко ли бежишь?
— Да вот, — кричит Заяц, — хочу от своей тени убежать! Мы с ней в догонялки играем!
— Этот всем дурням дурень! — бормочет Ворон. — Погоди, уж тебе-то я беду накаркаю... Кар-р-р-р... — И говорит: — А ты с горки попробуй бежать. С горки-то быстрей!
Выскочил Заяц на горку — да вниз. А у Зайца передние лапы коротенькие, и если по склону бежать, кувырнёшься...

Перекатился Заяц через голову да потом кубарем, кубарем, в сугроб — у-ух! — и пропал.

— Вот тебе! — Ворон говорит. — Вот тебе кара! Не дури, не дури!

А Зайчишка голову из сугроба высунул, хохочет:

— Обогнал! Обогнал!

— Кого?

— Тень свою обогнал! Не было её в сугробе, не было, значит, сзади осталась! Вот ловко-то!

И до того счастливая рожица у Зайца была, что не стерпел Ворон — сам улыбнулся.

А как улыбнулся — и глаза перестали болеть.

И голова больше не кружится. И на душе веселей.

Поднялся Ворон повыше над лесом да и кувыркаться в воздухе начал. Турманом, турманом!

— Кар-р! Хар-роший денёк!





КЛЁСТ И ДЯТЕЛ

— Смотрю, Дятел, на твой нос и сравниваю со своим, — сказал Клёст. — Твой прямой, как стамеска, а мой как две кривые отвёртки. И всё-таки мой кривой получше твоего прямого будет.

— И чего в нём, кривом, хорошего? — отвернулся Дятел. — А из-под моего, прямого, только щепки летят.

— В этом-то и беда! — вскрикнул Клёст. — Ты стамской своей деревья портишь, а я отвёрткой кривой всего лишь чешуйки на шишках отгибаю, семена достаю. Глядишь, одно-другое семечко уроню — оно и прорастёт. Выходит, я лес сажаю, а ты его рубишь. И лесу, выходит, я друг, а ты — враг. И всё из-за твоего прямого носа!

Дятел от обиды даже долбить перестал.

— Полюбуйся-ка на свои труды! — не унимается Клёст. — Осину исковырял, словно её топором тесали.

— Осина больная была. Я её от сверлильщиков и точильщиков разных спасал. Этим вот самым носом!

— С-спасибо, Дятел, — проскрипела Осина. — От с-смерти спас-с — с-совсем засыхала.

Клёст от удивления клюв свой кривой разинул.

— Но он, долбонос, и здоровые деревья калечит! Вон как Берёзу изрешетил — словно дробью прострелянная. Вся береста в слезах.

— Не слёзы это, — прошептала Берёза. — Просто капельки сока выступили из пробоинок. Пробоинки заплывут, я и думать о них забуду.

— А я не забуду! — пискнула Бабочка-траурница. — Капельки эти весной меня от голода спасли. Спасибо, Берёза!

— Спасибо, Дятел, — замахали усиками муравьи. — Целебный берёзовый сок нам силы вернул: очень мы за зиму отощали.

— Спасибо, Берёза и Дятел, — запищали синички белошёкие, долгохвостые и хохлатые. — Славно мы сладким соком поугощались!



Все кричали, пищали, свистели. Только Дятел смотрел на Клеста и молчал.

А Клёст не хотел молчать, так и вертел своим кривым носом.

— Ты, — кричит, — глубокие дупла в деревьях выдалбливаешь! А сколько, сколько вас, дятлов, в лесу? Каждый по дуплу — и весь лес дырявый. Я, значит, сажаю, а вы дырявите!

— Чем больше дупел в лесу, — крикнул Поползень, — тем больше нас, дуплогнёздников! А чем больше нас — тем меньше лесных вредителей! А чем меньше лесных вредителей — тем лесу лучше! А чем лучше лесу — тем лучше всем! И тебе, Клёст, тоже!

— Слыхал? — повернулся Дятел к Клесту.

Клёст только крылышками развёл.

— У-го-годил Дятел и мне! — выкрикнул Сыч. — В дуплах у меня морозильники. Мышей и полёвок зимой замораживаю. Про запас. А от них лесу вред.

— Слыхал? — снова Дятел Клеста спросил.

Тут Синичка-гаичка пищит:

— Гай, гай, где бы мы, пичужки, в мороз и вьюгу зимой прятались, где бы зимнюю ночь коротали? Спасибо ему, строителю-долбоносу!

— Слыхал? — повернулся Дятел к Клесту.

А того уже и след простыл.







Николай Сладков

СТРАШНЫЙ НЕВИДИМКА

Страшный невидимка объявился в лесу. Жуткие дела стали твориться там. Кто-то безжалостно содрал с деревьев листья. Кто-то примял, перепутал и положил травы.

Бесследно исчезли птицы — пеночки, зяблики и дрозды. Вчера ещё видели и слышали их, а сегодня нет ни одной.

Звери и птицы испуганно прятались в чащеб.

Но невидимка находил их и там. Он делал всё что хотел, всё перекраивал на свой вкус и лад. Взял

и выкрасил зайцам задние ноги в белый цвет, будто на каждого зайца белые трусы надел. Рыжих белок сделал серыми, пёстрых куропаток — белыми. Барсуков, ежей и енотов до того запугал, что попрятались они в норы, забились под корни деревьев и носа не кажут. Перетрусили лесные жители. Что ни день, в лесу страшные новости. Исчезли куда-то лягушки и жабы. Пропали бабочки и мухи.

Больше всех перетрусили сеголетки — те, кто только нынче на свет появились. Ничего подобного они не видели; вот натерпелись страху!

Да что сеголетки, если старый медведь и тот стал берлогу облюбовывать, чтобы спрятаться от страшного невидимки.

А невидимка бродит по лесам и полям, гнёт деревья, свистит, волны на берега выплескивает. То землю дождём размочит, то морозцем закуёт. Все дороги размыл, мосты поломал, канавы водой залил. И никто с ним ничего поделать не может: не видно его, невидимка он!





КАК МЕДВЕДЯ ПЕРЕВОРАЧИВАЛИ

Натерпелись птицы и звери от зимы лиха. Что ни день — метель, что ни ночь — мороз. Зиме конца-краю не видно. Разоспался Медведь в берлоге. Забыл, наверное, что пора ему на другой бок перевернуться.

Есть лесная примета: как Медведь перевернётся на другой бок, так солнце повернёт на лето.

Лопнуло у птиц и зверей терпение. Пошли Медведя будить:

— Эй, Медведь, пора! Зима всем надоела! По солнышку мы соскучились. Переворачивайся, переворачивайся, пролежни уж небось?

Медведь в ответ ни гугу: не шелохнётся, не воронётся. Знай посапывает.

— Эх, долбануть бы его в затылок! — воскликнул Дятел. — Небось бы сразу зашевелился!

— Не-ет, — промычал Лось, — с ним надо почтительно, уважительно. Ау, Михайло Потапыч! Услышь ты нас, слёзно просим и умоляем: перевернись ты, хоть не спеша, на другой бок! Жизнь не мила. Стоим мы, лоси, в осиннике, что коровы в стойле: шагу в сторону не шагнуть. Снегу-то в лесу по уши! Беда, коли волки о нас пронюхают.

Медведь ухом пошевелил, ворчит сквозь зубы:

— А мне какое до вас, лосей, дело! Мне снег глубокий на пользу: и тепло, и спится спокойно.

Тут Белая Куропатка запричитала:

— И не стыдно, Медведь? Все ягоды, все кустики с почками снег закрыл — что нам клевать прикажешь? Ну что тебе стоит на другой бок перевернуться, зиму поторопить? Хоп — и готово!

А Медведь своё:

— Даже смешно! Зима вам надоела, а я с боку на бок переворачивайся! Ну какое мне дело до почек и ягод? У меня под шкурой сала запас.

Белка терпела-терпела — не вытерпела:

— Ах ты тюфяк мохнатый, перевернуться ему, видишь ли, лень! А ты вот попрыгал бы по веткам мороженым, лапы до крови ободрал бы, как я!.. Переворачивайся, лежебока, до трёх считаю: раз, два, три!



— Четыре, пять, шесть! — насмехается Медведь. — Вот напугала! А ну — кыш отседова! Спать мешаете.

Поджали звери хвосты, повесили птицы носы — начали расходиться. А тут из снега Мышка вдруг высунулась да как запищит:

— Такие большие, а испугались? Да разве с ним, куцехвостым, так разговаривать надо? Ни по-хорошему, ни по-плохому он не понимает. С ним по-нашески надобно, по-мышиному. Вы меня попросите — я его мигом переверну!

— Ты — Медведя?! — ахнули звери.

— Одной левой лапкой! — похваляется Мышь.

Юркнула Мышь в берлогу — давай Медведя щекотать. Бегает по нему, коготками царапает, зубками прикусывает. Задергался Медведь, завизжал поросёнком, ногами задрыгал.

— Ой, не могу! — завывает. — Ой, перевернусь, только не щекочи! О-хо-хо-хо! А-ха-ха-ха!

А пар из берлоги — как дым из трубы.

Мышка высунулась и пищит:



— Перевернулся как миленький! Давно бы мне сказали.

Ну а как перевернулся Медведь на другой бок, так сразу солнце повернуло на лето. Что ни день — солнце выше, что ни день — весна ближе. Что ни день — светлей, веселей в лесу!





ШВЕЙНЯ

Зима на носу, майку на шубу пора менять, босоножки — на валенки. Задумались звери: где шубу достать? А Лисица тут как тут:

— Ко мне, ко мне, желанные, торопитесь. У меня швейня «Семь шкур». На всех угожу!

Первым прискакал Заяц:

— Поторопись, Лиса, снег со дня на день, того и гляди, а я в летней безрукавке. Зуб на зуб не попадёт, да не от холода, а от страха: хорош я буду в тёмном-то на белом снегу! Можешь ты мне раздобыть шубку защитную — беленькую, как снежок?

— Это мне что хвостом вильнуть! — отвечает ему Лиса. — Только вот мерку сниму, давай, скачи ко мне ближе...

— Какую ещё мерку? — насторожился Заяц. — А ты на глазок.

— Без мерки не могу, — отвечает Лиса. — Глазам я не верю, мне надо пощупать. Кто следующий?

Белка на ёлке стрекочет:

— Мне, Лиса, сделай шубку на беличьем меху, тёплую, зимнюю. И хвостик чтоб попушистей, да на





ушки кисточки не забудь, да на грудку белый передничек. Моя-то летняя рыжая пообносилась. Зябну...

— Фу-ты, ну-ты, франтиха какая! — проворковала Лиса. — Кисточки ей, хвостик, передничек... И кому на тебя в лесу-то смотреть? Ну да ладно, слезай с ёлки, мерку снимать буду.

— А без примерки разве нельзя? — испугалась Белка.

— Без примерки я только Ежу делаю: иголок на-
тыкаю и готово. Есть там ещё кто?

Из воды высунулась Выдра:

— Мне, Лиса, нужна шуба тёплая и непромокаемая, из водоотталкивающей шерсти. Я ведь и зимой в воде-сырости, мне в шубе и нырять, и плавать!

— Могу и непромокаемую, — обещает Лиса. — Я всё могу! Вылезай на берег, мерку с тебя сниму.

— Только мерку снимешь?

— А что же ещё? Не шкуру же, хе-хе-хе!..

— Мне бы лучше без мерки... — упирается Выдра.



— И чего это вы все недотроги такие? — не понимает Лиса. — Или вы щекотки боитесь? Видали на мне лисью шубу — какая работа! Пушнина, мягкое золото! Охотники прямо глаз с неё не сводят. А всё потому, что по мерке. И медвежью шубу шила, и волчью доху — нахвалиться не могут!

— Так-то оно так... — жмутся звери. — Да мы-то не волки и не медведи. Как бы в твоих «Семи шкурах» свою последнюю не потерять. Вместе с меркой-то, гляди, и голову снимешь. Лучше уж мы, Лиса, без твоей помощи обойдёмся, сами выменяем майку на телогрейку.

И разбежались во все стороны. Лиса только зубами щёлкнула.





УПРЯМЫЙ ЗЯБЛИК

Октябрь так птиц пугнул, что иные до самой Африки без оглядки летели! Да не все такие пугливые. Другие и с места не тронулись.

Ворона вон — хоть бы ей что! Каркает. Галки остались. Воробьи. Ну да с этими Октябрь и связываться не хочет. Этим и Январь нипочём! А вот за зябликов взялся. Потому что фамилия у них такая —



Зяблик — и должны они Октября бояться. Взялся — и всех разогнал. Один только остался. Самый упрямый.

— Зяблик ты, так зябни! — рассердился Октябрь. И стряхнул термометр.

А Зяблик не зябнет!

— Небось озябнешь! — разбушевался Октябрь. И давай Зяблику под перо ветром дуть.

А Зяблик не зябнет!

У него от озноба верное средство — тугой животок. Прыгает по веткам, как по ступенькам. И склоняется: то жука, то семечко. А раз животок тугой, то и температура у него нормальная птичья — плюс сорок четыре градуса! С такой температурой и в октябре май.

— Холодом не пронял — голодом доконаю! — скрипнул Октябрь морозцем. И так ветром дунул, что сдул с деревьев все листья и всех насекомых.

А Зяблик — порх! — и на землю. Стал на земле кормиться.

Октябрь на недельку задумался, потом землю дождичком спрыснул и морозцем застудил.

— Ужо тебе!

Раззадорился Зяблик — порх! — и наверх.

— Ты землю заморозил, а я рябину мороженую клевать буду. Была не была!

И стал клевать рябину.

Посинел Октябрь от злости. Ветром дует. Дождём полощет. Снежком сечёт. И морозцем прихватывает, прихватывает...

А Зяблик не зябнет. Рябина-то от мороза только вкусней становится!





ПОЧЕМУ НОЯБРЬ ПЕГИЙ?

Высунулась из-за леса снеговая туча, наделала
в лесу переполоху!

Увидал Тучу Заяц-беляк да как заверещит:

— Скорей, Туча, скорей! Я давным-давно белый,
а снегу всё нет да нет! Того и гляди, охотники вы-
смотрят!

Услыхала Туча Зайца и двинулась в лес.

— Нельзя, Туча, назад, назад! — закричала Серая
Куропатка. — Землю снегом засыплем — что я есть
стану? Ножки у меня слабые, как я до земли доро-
юсь?

Туча двинулась назад.

— Давай вперёд, нечего пятиться! — заворчал Медведь. — Засыпай берлогу мою скорей: от ветра и мороза укрой, от глаза чужого спрячь!

Туча помедлила и опять двинулась в лес.

— Сто-ой, сто-ой! — завыли волки. — Насыплем снегу — ни пройти, ни пробежать. А нас, волков, ноги кормят!

Туча заколыхалась — остановилась.

А из лесу крик и вой.

— Лети к нам, Туча, засыпай лес снегом! — кричат одни.



— Не смей снег высыпать! — воют другие. — Назад поворачивай!

Туча то вперёд, то назад. То посыплет снежком, то перестанет.

Потому-то ноябрь и пегий: то дождь, то снег, то мороз, то оттепель. Где снежок белый, где земля чёрная.

Ни зима, ни осень!







БЮРО ЛЕСНЫХ УСЛУГ

Нагрянул в лес холодный февраль. На кусты сугробы намёл, деревья инеем опушил. А солнышко хоть и светит, да не греет.

Пригорюнились птицы и звери: как дальше жить?

Хорёк говорит:

— Спасайтесь кто как может!

А Сорока стрекочет:

— Опять всяк сам за себя? Опять поодиночке?

Нет, чтоб нам сообща против общей беды! И так уж все про нас говорят, что мы в лесу только клюёмся да грызёмся. Даже обидно.

Тут Заяц ввязался:

— Правильно Сорока стрекочет. Один в поле не воин. Предлагаю создать Бюро лесных услуг. Я вот, к примеру, куропаткам помочь могу. Я снег на озимых каждый день до земли разрываю, пусть они после меня там семена и зелень клюют — мне не жалко. Пиши меня, Сорока, в Бюро под номером первым!

— Есть-таки умная голова и в нашем лесу! — обрадовалась Сорока. — Кто следующий?

— Мы следующие! — закричали клесты. — Мы шишки на ёлках шелушим, половину шишек целыми вниз роняем. Пользуйтесь, полёвки и белки, не жалко!

«Заяц — копатель, клесты — бросатели», — записала Сорока.

— Кто следующий?

— Нас запиши, — проворчали бобры из своей хатки. — Мы осенью столько осин навалили — на всех хватит. Приходите к нам, лоси, косули, зайцы, сочную осиновую кору да ветки гладить!

И пошло, и пошло!

Дятлы дупла свои предлагают для ночлега, вороны приглашают на падаль, вороны свалки показать обещают. Сорока еле записывать успевает.

Притрусила на шум и Волк. Ушами попрядал, глязами позыркал:

— Запиши и меня в Бюро!

Сорока чуть с дерева не упала:

— Тебя, Волка, в Бюро услуг? Что же ты в нём хочешь делать?

— Сторожем буду служить, — отвечает Волк.

— Кого же ты сторожить можешь?



— Всех сторожить могу! Зайцев, лосей и косуль у осинок, куропаток на зеленях, бобров в хатках. Я сторож опытный. Овец сторожил в овчарне, кур в курятнике...

— Разбойник ты с лесной дороги, а не сторож! — закричала Сорока. — Проходи, проходимец, мимо! Знаем мы тебя. Это я, Сорока, буду всех в лесу от тебя сторожить: как увижу, так крик подниму! Не тебя, а себя сторожем в Бюро запишу: «Сорока — сторожиха». Что я, хуже других, что ли?

Так вот и живут птицы-звери в лесу. Бывает, конечно, так живут, что только пух да перья летят. Но бывает, и выручают друг друга. Всякое в лесу бывает.





Константин Паустовский

ДРЕМУЧИЙ МЕДВЕДЬ

Сын бабки Анисьи, по прозвищу Петя-большой, погиб на войне, и остался с бабкой жить её внутик, сын Пети большого — Петя-маленький. Мать Пети-маленького, Даша, умерла, когда ему было два года, и Петя-маленький её совсем позабыл, какая она была.

— Всё тормошила тебя, веселила, — говорила бабка Анисья, — да, видишь ты, застудилась осенью и померла. А ты весь в неё. Только она была говорливая, а ты у меня дичок. Всё хоронишься по углам да думаешь. А думать тебе рано. Успеешь за жизнь

надуматься. Жизнь долгая, в ней вон сколько дней! Не сочтёшь.

Когда Петя-маленький подрос, бабка Анисья определила его пасти колхозных телят.

Телята были как на подбор, лопоухие и ласковые. Только один, по имени Мужичок, был Петю шерстистым лбом в бок и брыкался. Петя гонял телят пастись на Высокую реку. Старый пастух Семён-чаёвник подарил Пете рожок, и Петя трубил в него над рекой, скликал телят.

А река была такая, что лучше, должно быть, не найдёшь. Берега крутые, все в колосистых травах, в деревах. И каких только дерев не было на Высокой реке!

В иных местах даже в полдень было пасмурно от старых ив. Они окунали в воду могучие свои ветви, и ивовый лист — узкий, серебряный, вроде рыбки уклейки — дрожал в бегучей воде. А выйдешь из-под чёрных ив — и ударит с полян таким светом, что за jakiшь глаза. Рошицы молодых осин толпятся на берегу, и все осиновые листья дружно блестят на солнце.

Ежевика на крутоярах так крепко хватала Петю за ноги, что он долго возился и сопел от натуги, прежде чем мог отцепить колючие плети. Но никогда он, осердясь, не хлестал ежевику палкой и не топтал ногами, как все остальные мальчишки.

На Высокой реке жили бобры. Бабка Анисья и Семён-чаёвник строго наказали Пете не подходить к бобровым норам. Потому что бобёр зверь строгий, самостоятельный, мальчишек деревенских вовсе не боится и может так хватить за ногу, что на всю

жизнь останешься хромой. Но Пете была большая охота поглядеть на бобров, и потому он ближе к вечеру, когда бобры вылезали из нор, старался сидеть тихонько, чтобы не напугать сторожкого зверя.

Однажды Петя видел, как бобёр вылез из воды, сел на берегу и начал тереть себе лапами грудь, драть её изо всех сил, сушить. Петя засмеялся, а бобёр оглянулся на него, зашипел и нырнул в воду.

А другой раз вдруг с грохотом и плеском обрушилась в реку старая ольха. Тотчас под водой мол-



ниями полетели испуганные плотицы. Петя подбежал к ольхе и увидел, что она прогрызена бобровыми зубами до сердцевины, что в воде на ветках ольхи сидят эти самые бобры и жуют ольховую кору. Тогда Семён-чаёвник рассказал Пете, что бобёр сперва подтачивает дерево, потом нажимает на него плечом, валит и питается этим деревом месяц или два, глядя по тому, толстое оно или не такое уж и толстое, как хотелось бобру.

В густоте листьев над Высокой рекой всегда было беспокойно. Там хлопотали разные птицы, а дятел, похожий на сельского почтarya Ивана Афанасьевича — такой же остроносый и с шустрым чёрным глазом, — колотил и колотил со всего размаху клювом по сухому осокорю. Ударит, отдернет голову, поглядит, примерится, зажмурит глаза и опять так ударит, что осокорь от макушки до корней загудит. Петя всё удивлялся — до чего крепкая голова у дятла! Весь день стучит по дереву — не теряет весёлости.

«Может, голова у него и не болит, — думал Петя, — но звон в ней стоит наверняка здоровый. Шутка ли — бить и бить целый день! Как только черепушка выдерживает!»

Пониже птиц, над всякими цветами — и зонтичными, и крестоцветными, и самыми невидными, как, скажем, подорожник, — летали ворсистые шмели, пчёлы и стрекозы.

Шмели не обращали на Петю внимания, а стрекозы останавливались в воздухе и, постреливая крыльшками, рассматривали его выпуклыми глазищами, будто подумывали: ударить ли его в лоб со всего



налёта, пугнуть с берега или не стоит с таким маленьким связываться?

И в воде тоже было хорошо. Смотришь на неё с берега — и так и подмывает нырнуть и поглядеть: что там, в глубокой глубине, где качаются водоросли? И всё чудится, что ползёт по дну рак величиной с бабкино корыто, растопырил клешни, а рыбы пятаются от него, помахивают хвостами.

Постепенно и звери и птицы привыкли к Пете и, бывало, прислушивались по утрам: когда же запоёт за кустами его рожок? Сначала они привыкли

к Пете, а потом полюбили его за то, что не озоровал: не сбивал палками гнёзд, не связывал стрекоз за лапки ниткой, не швырял в бобров камнями и не травил рыбу едучей известью.

Деревья тихонько шумели навстречу Пете — помнили, что ни разу он не сгибал, как другие мальчишки, тоненьких осинок до самой земли, чтобы полюбоваться, как они, выпрямившись, долго дрожат от боли и шелестят-жалуются листьями.

Стоило Пете раздвинуть ветки и выйти на берег, как сразу начинали щёлкать птицы, шмели взлетали и покрикивали: «С дороги! С дороги!», рыбы выскакивали из воды, чтобы похвастаться перед Петей пёстрой чешуёй, дятел так ударял по осокорю, что бобры поджимали хвосты и семенили в норы. Выше всех птиц взлетал жаворонок и пускал такую трель, что синий колокольчик только качал головой.

— Вот и я! — говорил Петя, стаскивая старую шапочонку и вытирая ею мокрые от росы щёки. — Здравствуйте!

— Дра! Дра! — отвечала за всех ворона. Никак она не могла выучить до конца такое простое человеческое слово, как «здравствуйте». На это не хватало у неё вороньей памяти.

Все звери и птицы знали, что живёт за рекой, в большом лесу, старый медведь и прозвище у того медведя Дремучий. Его шкура и вправду была похожа на дремучий лес: вся в жёлтых сосновых иглах, в давленой бруслике и смоле. И хоть старый это был медведь и кое-где даже седой, но глаза у него горели, как светляки, — зелёные, будто у молодого.

Звери часто видели, как медведь осторожно пробирался к реке, высовывал из травы морду и принюхивался к телятам, что паслись на другом берегу. Один раз он даже попробовал лапой воду и заворчал. Вода была холодная — со дна реки били ледяные ключи, — и медведь раздумал переплывать реку. Не хотелось ему мочить шкуру.

Когда приходил медведь, птицы начинали отчаянно хлопать крыльями, деревья — шуметь, рыбы — бить хвостами по воде, шмели — грозно гудеть, даже лягушки подымали такой крик, что медведь зажимал уши лапами и мотал головой.

А Петя удивлялся и смотрел на небо: не обкладывает ли его тучами, не к дождю ли раскричались звери? Но солнце спокойно плыло по небу. И только два облачка стояли в вышине, столкнувшись друг с другом на просторной небесной дороге.

С каждым днём медведь сердился всё сильнее. Он голодовал, брюхо у него совсем отвисло — одна кожа и шерсть. Лето выпало жаркое, без дождей. Малина в лесах посохла. Муравейник разроешь — так и там одна только пыль.

«Беда-а-а! — рычал медведь и выворачивал от злости молодые сосенки и берёзки. — Пойду задеру телка. А пастушок заступится, я его придушу лапой — и весь разговор!»

От телят вкусно пахло парным молоком, и были они совсем рядом — только и дела, что переплыть каких-нибудь сто шагов.

«Неужто не переплыvu? — сомневался медведь. — Да нет, пожалуй, переплыvu. Мой дед, говорят, Волгу переплывал и то не боялся».



Думал медведь, думал, нюхал воду, скрёб в затылке и, наконец решил — прыгнул в воду, ахнул и поплыл.

Петя в то время лежал под кустом, а телята — глупые они ещё были — подняли головы, наставили уши и смотрят: что это за старый пень плывёт по реке? А у медведя одна морда торчит над водой. И такая корявая эта морда, что с непривычки не то что телок, а даже человек может принять её за трухлявый пень.

Первой после телят заметила медведя ворона.

— Карраул! — крикнула она так отчаянно, что сразу охрипла. — Звери, воррр!

Всполошились все звери. Петя вскочил, руки у него затряслись, и уронил он свой рожок в траву — посредине реки плыл, загребая когтистыми лапами, старый медведь, отплёвывался и рычал. А телята подошли уже к самому крутояру, вытянули шеи и смотрят.

Закричал Петя, заплакал, схватил длинный свой кнут, размахнулся. Кнут щёлкнул, будто взорвался ружейный патрон. Да не достал кнут до медведя — ударил по воде. Медведь скосил на Петю глаз и зарычал:

— Погоди, сейчас вылезу на бережок — все kostи твои пересчитаю. Что выдумал — старика кнутом бить!

Подплыл медведь к берегу, полез на крутояр к телятам, облизывается. Петя оглянулся, крикнул: «Подсобите!» — и видит: задрожали все осины и ивы и все птицы поднялись к небу. «Неужто все испугались и никто мне теперь не поможет?» — думал Петя. А людей, как назло, никого рядом нету.

Но не успел он это подумать, как ежевика вцепилась колючими своими плетями в медвежьи лапы, и сколько медведь ни рвался, она его не пускала. Держит, а сама говорит: «Не-ет, брат, шутишь!»

Старая ива наклонила самую могучую ветку и начала изо всех сил хлестать ею медведя по худым бокам.

— Это что ж такое? — зарычал медведь. — Бунт? Я с тебя все листья сдеру, негодница!

А ива всё хлещет его и хлещет. В это время дятел слетел с дерева, сел на медвежью голову, потоптался, примерился и как долбанёт медведя по темени! У медведя позеленело в глазах и жар прошёл от носа до самого кончика хвоста.

Взвыл медведь, испугался насмерть, воет и собственного воя не слышит, слышит один хрип. Что такое? Никак медведь не догадается, что это шмели залезли ему в ноздри, в каждую по три шмеля, и сидят там, щекочут. Чихнул медведь, шмели вылетели, но тут же налетели пчёлы и начали язвить медведя в нос. А всякие птицы тучей вьются кругом и выщипывают у него шкуру волосок за волоском. Медведь начал кататься по земле, отбиваться лапами, закричал истошным голосом и полез обратно в реку.

Ползёт, пятится задом, а у берега уже ходит стопудовый окунь, поглядывает на медведя, дожидается. Как только медвежий хвост окунулся в воду, окунь хвать, защепил его своими ста двадцатью зубами, напружился и потащил медведя в омут.

— Братцы! — заорал медведь, пуская пузыри. — Смилуйтесь! Отпустите! Слово даю... до смерти сюда не приду! И пастуха не обижу!

— Вот хлебнёшь бочку воды, тогда не придёшь! — прохрипел окунь, не разжимая зубов. — Уж я ли тебе поверю, Михайлыч, старый обманщик!

Только хотел медведь пообещать окуню кувшин липового мёда, как самый драчливый ёрш на Высокой реке, по имени Шипояд, разогнался, налетел на медведя и засадил ему в бок свой ядовитый и острый шип. Рванулся медведь, хвост оторвался,



остался у окуня в зубах. А медведь нырнул, выплыл и пошёл махать сажёнками к своему берегу.

«Фу, — думает, — дёшево я отделался! Только хвост потерял. Хвост старый, облезлый, мне от него никакого толку».

Доплыл до половины реки, радуется, а бобры только этого и ждут. Как только началась заваруха с медведем, они кинулись к высокой ольхе и тут же начали её грызть. И так за минуту подгрызли, что держалась эта ольха на одном тонком шпеньке.

Подгрызли ольху, стали на задние лапы и ждут. Медведь плывёт, а бобры смотрят — рассчитывают, когда он подплывёт под самый под удар этой высоченной ольхи. У бобров расчёт всегда верный, потому что они единственные звери, что умеют строить разные хитрые вещи — плотины, подводные ходы и шалashi.





Как только подплыл медведь к назначенному месту, старый бобёр крикнул:

— А ну, нажимай!

Бобры дружно нажали на ольху, шпенёк треснул, и ольха загрохотала — обрушилась в реку. Пошла пена, буруны, захлестали волны и водовороты. И так ловко рассчитали бобры, что ольха самой серединой ствола угодила медведю в спину, а ветками прижала его к иловатому дну.

«Ну, теперь крышка!» — подумал медведь. Он рванулся под водой изо всех сил, ободрал бока, замуттил всю реку, но всё-таки как-то вывернулся и выплыл.





Вылез на свой берег — и где там отряхиваться, некогда! — пустился бежать по песку к своему лесу. А позади крик, улюлюканье. Бобры свищут в два пальца. А ворона так задохнулась от хохота, что один только раз и прокричала: «Дуррак», а больше уже и кричать не могла.

Осинки мелко тряслись от смеха, а ёрш Шипояд разогнался, выскочил из воды и лихо плонул вслед медведю, да не доплонул — где там доплонуть при таком отчаянном беге!

Добежал медведь до леса, едва дышит. А тут, как на грех, девушки из Окулова пришли по грибы. Хо-



дили они в лес всегда с пустыми бидонами от молока и палками, чтобы на случай встречи со зверем пугнуть его шумом.

Выскочил медведь на поляну, девушки увидали его — все враз завизжали и так грохнули палками по бидонам, что медведь упал, ткнулся мордой в сухую траву и затих. Девушки, понятно, убежали, только пёстрые их юбки метнулись в кустах.

А медведь стоал-стоал, потом съел какой-то гриб, что подвернулся на зуб, отышался, вытер лапами пот и пополз на брюхе в своё логово. Залёг с горя спать на осень и зиму. И зарёкся на всю жизнь не выходить больше из дремучего леса. И уснул, хотя и побаливало у него то место, где был оторванный хвост.

Петя посмотрел вслед медведю, посмеялся, потом взглянул на телят. Они мирно жевали траву и то один, то другой чесали копытцем задней ноги у себя за ухом.

Тогда Петя стащил шапку и низко поклонился деревьям, шмелям, реке, рыбам, птицам и бобрам.

— Спасибо вам! — сказал Петя.

Но никто ему не ответил.

Тихо было на реке. Сонно висела листва ив, не трепетали осины, даже не было слышно птичьего щебета.

Петя никому не рассказал, что случилось на Высокой реке, только бабке Анисье: боялся, что не поверят.

А бабка Анисья отложила недовязанную варежку, сдвинула очки в железной оправе на лоб, посмотрела на Петю и сказала:

— Вот уж и вправду говорят люди: не имей сто рублей, а имей сто друзей. Звери за тебя не зря заступились, Петруша! Так, говоришь, окунь ему хвост начисто оторвал? Вот грех-то какой! Вот грех!

Бабка Анисья сморщилась, засмеялась и уронила варежку вместе с деревянным вязальным крючком.



СОДЕРЖАНИЕ

Виталий Бианки

ХВОСТЫ	5
СОВА	19
ЛИС И МЫШОНОК	28

Эдуард Шим

ЗАЯЧЬЕ СЕМЕЙСТВО	33
ПОЛОСЫ И ПЯТНЫШКИ	37
ЗАЧЕМ БОЛЬШАЯ ГОЛОВА?	39
ВЕСЁЛЫЙ ДЕНЁК	41
КЛЁСТ И ДЯТЕЛ	48

Николай Сладков

СТРАШНЫЙ НЕВИДИМКА	53
КАК МЕДВЕДЯ ПЕРЕВОРАЧИВАЛИ	55
ШВЕЙНЯ	60
УПРЯМЫЙ ЗЯБЛИК	65
ПОЧЕМУ НОЯБРЬ ПЕГИЙ?	69
БЮРО ЛЕСНЫХ УСЛУГ	73

Константин Паустовский

ДРЕМУЧИЙ МЕДВЕДЬ	77
----------------------------	----

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л87

Серия «Добрые сказки»
Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа
Для дошкольного возраста

Коллектив авторов
ЛУЧШИЕ СКАЗКИ ПРО ЗВЕРЕЙ
Художник И. Цыганков

Серийное оформление и дизайн обложки *Т. Барковой*

Редактор *Н. Рожкова*. Художественный редактор *Ю. Кузнецова*
Технический редактор *Е. Кудиярова*. Компьютерная верстка *А. Дорохин*

Подписано в печать 28.08.2020. Формат 84x108/16. Дата изготовления: сентябрь 2020
Гарнитура Pragmatica. Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 10,08. Тираж 1000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008) — 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Книжная продукция ТР ТС 007/2011

Произведено в Российской Федерации

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, Российская Федерация, г. Москва,
Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж
Наш электронный адрес: malysh@ast.ru Home page: www.ast.ru

Адрес места осуществления деятельности по изготовлению продукции:
123112, Российская Федерация, Москва, Пресненская набережная, д.6, стр.2,
Деловой комплекс «Империя», 14, 15 этаж

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!

<https://vk.com/ast.deti> <https://www.instagram.com/ast.deti>
<https://www.ok.ru/ast.deti> <https://www.facebook.com/ast.deti>

«АСТ баспасы» ЖШК 129085, Мәскеу қ., Жұлдызды гүлзар, 21-үй, 1-құрылыш, 705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз : malysh@ast.ru E-mail: malysh@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасының импорттаяуышы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3-а, Б литері, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 90,91 ,факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz , www.book24.kz

Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2020
Θінімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Сертификаттау — қарастырылған

0+

6-

Л87 Лучшие сказки про зверей / В. Бианки, Н. Сладков, К. Паустовский и др.; ил. И. Цыганков. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 93, [3] с.: ил. — (Добрые сказки).

ISBN 978-5-17-123037-1

В сборник вошли произведения отечественных писателей-натуралистов В. Бианки, К. Паустовского, Н. Сладкова и Э. Шима, рассказывающие о жизни обитателей лесов и полей нашей среднерусской полосы. Яркие и запоминающиеся образы героев сказок знакомят ребёнка со скрытой от глаз человека жизнью самых разных животных. А красивые крупные иллюстрации художника И. Цыганкова помогут лучше представить себе героев и события, происходящие в сказках.

Для дошкольного возраста.

**УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**



© Бианки В.В., насл., 2020
© Паустовский К.Г., насл., 2020
© Сладков Н.И., насл., 2020

© Шим Э.Ю., насл., 2020
© Ил., Цыганков И.А., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020



Каких только животных
не встретишь в этой книге!
Это и лисы, и медведи, и маленькие
мышки, и птицы. Писатели-натуралисты
В. Бианки, К. Паустовский, Н. Сладков
и Э. Шим написали сказки, героями которых
стали животные лесов и полей. Каждая сказка —
это увлекательная история, из которой ребёнок
узнает много нового про братьев наших меньших.

У каждого зверька или птички свой характер,
и с каждым происходит что-то интересное!

Сказки научат детей быть
внимательными к природе, ценить
и любить мир животных.

Присоединяйтесь к нам!

www.ast.ru/redactions/malysh
@ instagram.com/ast.deti
vk vk.com/ast.deti
f facebook.com/ast.deti
ok ok.ru/ast.deti



6-

0+



ISBN 978-5-17-123037-1



9 785171 230371